

«Шекспир» — дело семейное

Литература и власть

Философ и аналитик, литературовед-структуралист **Альфред Николаевич Барков**, исследуя структуру «Гамлета», обнаружил, что в тексте этого произведения дан ответ на вопрос, кто скрывался под псевдонимом «Шекспир»: таннером, не лежащим в своей могиле, был сын королевы Елизаветы, гениальный поэт и драматург по прозвищу «таннер» Кристофер Марло, смерть которого инсценировали. Тайна шекспировского авторства оказалась тесно связанной с политической ситуацией и безопасностью страны. Мы предлагаем читателю продолжение интервью, которое взял у А. Баркова наш корреспондент **Владимир КОЗАРОВЕЦКИЙ**.

Мнимая смерть

В.К.: Существует правило: если гипотеза, не противореча уже известному, объясняет и все факты, которые до ее появления не находили объяснения, она становится теорией. Можно ли сказать, что королевское происхождение Марло ставит все точки над ё?

А.Б.: Я специально не занимался выяснением, на все ли оставшиеся без ответа вопросы может ответить такая гипотеза, тем более что Марло — лишь часть псевдонима «Шекспир», — но судите сами. Например, не знай мы о его происхождении, еще больше вопросов вызывали бы обстоятельства «смерти» Марло.

Став магистром, он поселяется в Лондоне и быстро приобретает славу поэта, драматурга и «атеиста» (под атеизмом понималась любая отход от официальной доктрины). В Тайный Совет на его «атеизм» донес политейский агент Роберт Бэйнс (в доносе Бэйнса фигурировали три преступления, за каждое из которых полагалась смертная казнь: богохульство, гомосексуализм и хвастовство, что он имеет право чеканить собственную монету), а писатель Томас Кид под пытками подтвердил его «атеизм». 18 мая 1593 года был выдан ордер на арест Марло; за преступления, которые ему инкриминировались, ему грозила смерть четвертованием, утоплением или отсечением головы. Тем не менее в отличие от Кида, которого обвиняли в гораздо менее тяжких преступлениях, Марло отпустили под подписку. 30 мая в портовом городе Детфорде ударом кинжала в лицо он был «убит» одним из своих приятелей, Ингрэмом Фрайзером.

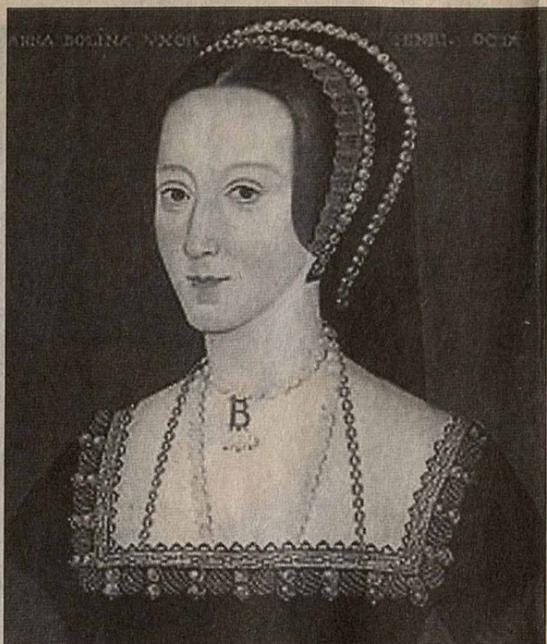
Все трое «друзей-свидетелей», которые находились рядом в момент «убийства», были связаны с разведкой, то есть с Тайным Советом. «Убийство» расследовал не местный прокурор, а коронер королевы, который получил лично от Елизаветы письменный инструктаж, каким должно быть его «беспристрастное заключение» (сохранился подлинник!). Расследование велось чрезвычайно успешно: тело было предано земле уже 1 июня, и, хотя лицо и было обезображено, труп не предьявлял для опознания даже хозяйке того дома, где произошло убийство. Хозяйка тоже была связана с разведкой, а ее усадьба использовалась для переборки агенты на континент; Фрайзер был признан виновным в смерти Марло, освобожден и тут же принят на службу в разведку ближайшим другом «убиенного»!

Существует достаточно хорошо обоснованная версия, что Марло во избежание казни был переправлен на континент, где под именем Le Dox жил во Франции и занимался разведывательной деятельностью в пользу Англии, а в конце 90-х тайно вернулся в Англию и жил в одной семье в графстве Рэтленд. Louis Ule утверждает, что после своей мнимой смерти Марло находился в доме Пембруков под именем алхимика Хью Сэндфорда.

В.К.: Не кажется ли вам, что усилия по спасению Марло от суда и смерти были таковы, что гораздо проще было бы добиться, чтобы донос Бэйнса либо не был принят, либо вообще пропал?

А.Б.: Да, несомненно, у этой истории с доносом был «режиссер». Ему нужно было убрать Марло со сцены, и, поскольку убедить королеву не удалось бы, ее поставили в безвыходное положение, обвинив ее сына в смертельно наказуемых преступлениях и затем дав ей возможность спасти его ценой его исчезновения из жизни. Бэйнс в доносе писал, что Марло должен быть казнен, и обещал представить заслуживающих доверия свидетелей его преступлений, но при докладе королеве в текст доноса кем-то были внесены изменения и вместо казни предлагалось предание Марло забвению. Елизавете, как и Гертруде в «Гамлете», ничего не оставалось делать, кроме как санкционировать навязанное ей решение Тайного Совета.

Надо сказать, что за полгода до событий в Детфорде при странных обстоятельствах умер попечитель Марло Роджер Мэнвуд, который в это время добивался должности Верховного судьи. Маловероятно, что «режиссеру» удалось бы осуществить план этого «изъятия из жизни» Кристофера Марло, если бы Мэнвуд добился этой должности — а королева к нему благоволила; поэтому и смерть Мэнвуда вряд ли была случайной. Марло написал эпитафию на смерть Мэнвуда, в которой намекал на «завистливые силы». Не защитой ли своего попечителя, которого и после смерти пытались опорочить, в том числе и с позиций антисемитизма, объясняется заступничество Марло-Шекспира за оклеветанного Варавву-Шейлока в «Мальтийском еврее» и «Венецианском купце»?

Королева Анна — Смуглая леди «Сонетов»?

Королева Елизавета.

Железная маска

В.К.: Не было ли в этой истории мотива профилактических действий по предупреждению какой бы то ни было возможности прихода к власти столь непредсказуемого, взрывного и трудноуправляемого наследника, как Марло? Вель было известно, что он задира и забияка и неосторожен в слове; Тайный Совет вполне мог попытаться оградить страну от возможности появления такого короля?

А.Б.: Да, такой мотив в поведении членов Тайного Совета в этой истории тоже был возможен. Дело в том, что Марло был учителем 15-летней Арабеллы Стюарт (не об этих ли «отлучках» и шла речь в письме Тайного Совета ректору колледжа?), генеалогия которой делала ее самой близкой к трону и вероятной его наследницей (ее наследственные права были даже выше прав Якова Стюарта, взошедшего на престол вслед за Елизаветой) — особенно с учетом того, что у королевы формально не было детей. Королева хотела женить сына на Арабелле и таким образом подвести его к трону — что могло вызвать встречные действия его братьев, как единоутробного (Фрэнсис Бэкон), так и сводного (Роберт Девере, граф Эссекс, написавший на стене своей тюремной камеры в Тауэре, где он находился перед казнью: «Роберт Тюдор»). Похоже, «Гамлет» — произведение во многом автобиографичное, и в нем нашли отражение факты дворцовой и околосудовой интриги, вплоть до сумасшествия Офелии-Арабеллы (у последней были явные психические отклонения), отравления Роберта Далли его женой (он по ошибке выпил из рук жены яд, который приготовил для нее) и участия королевы в отправке сына за границу, а последней фраза «Дальнейшее — молчанье» явно связана с исчезновением Марло и тайной Шекспира.

В.К.: Известны ли еще какие-нибудь факты, говорящие за то, что Кристофер Марло был сыном королевы Елизаветы?

А.Б.: Вот историческая деталь. В 1603 году все поэты Англии откликнулись скорбными посланиями на смерть Елизаветы. Все, кроме Шекспира, которого Генри Четврдать открыл упрекнул за это в печати. Почему-то ему в голову не пришло вспомнить соблюдаемый в рамках христианской традиции обычай: эпитафии сочиняются только посторонними, но не родственниками. Родственникам запрещено совершать любые действия, связанные с ритуалом похорон: нести гроб или кришку, венки или цветы; они — адресаты соболезнований, но не их авторы. После такого живого участия Елизаветы в судьбе «безродного» поэта молчание Марло-Шекспира только и объясняется тем, что он был близким родственником королевы.

Тот факт, что Шекспир был «железной маской», подтверждается и загадочным девизом студента колледжа «Корпус-Кристи» Кристофера Марло: Quid me nutrit me destruit («То, что меня кормит, меня убивает»). Этот девиз начертан на портрете, обнаруженном при реконструкции помещения колледжа «Корпус-Кристи» в середине XX века. На портрете есть надпись: «1585 год от Рождества Христова. Совершеннолетие 21 год». По сохранившимся спискам студентов установлено, что в 1585 году из всех студентов колледжа только Кристоферу Марло исполнилось 21 год.

Но самое серьезное доказательство имеется в самом корпусе шекспировских произведений. В последней сцене «Генриха VIII», по мнению большинства шекспироведов дописанного в 1613 году Флетчером, предсказывая будущую славу новорожденной Елизаветы, высший духовный иерарх Англии архиепископ Кентерберийский Томас Кранмер говорит, что она родит наследника, который будет «настолько же велик в славе, как и она сама», и что за него «дети наших детей будут благословлять Небеса», причем тетю, который по этому предсказанию должен был на протяжении всей жизни сопровождать «родив-

Фрэнсис Бэкон.

шего из непапа», в сочетании с такой славою невозможно отнести ни к кому, кроме Марло-Шекспира.

Граф Рэтленд исключается?

В.К.: Кто же в таком случае принимал участие в этом псевдониме, кроме Марло? И как вы относитесь к упомянутой мной книге Пилилова? На меня она в свое время произвела огромное впечатление, и я по-прежнему уверен, что многое из того, что обнаружено Пилиловым, сохраняет свою ценность и после ваших открытий.

А.Б.: Вы задали сразу два вопроса, но ответы на них взаимосвязаны. Поэтому начну с ответа на второй.

В книге Пилилова много чрезвычайно ценного. Мало того, что впервые на русском языке опубликован такой обширный материал по проблеме авторства Шекспира, который может служить основой для ее изучения (особенно во втором издании), — в книге содержится и ряд первоначальных шекспироведческих открытий: блистательное доказательство того, что дата издания четвертого сборника «Жертва любви» сфальсифицирована, и отнесение этой даты к 1612–1613 годам; догадка о том, что «Песни Голубя» — диалог; догадка о том, что участником псевдонима «Шекспир» была Елизавета Сидни-Мэннерс, графиня Рэтленд; исследование «Корридовых нелепостей». Вместе с тем Пилилов, хотя и признавая «коллективность» псевдонима «Шекспир», совершает ошибку, характерную для большинства шекспироведов-нестратфордianцев: каждый из них, исповедуя авторство какого-нибудь одного из кандидатов, недооценивает информацию о других. Во всяком случае, на тождество творческих почерков Марло и Шекспира внимания он не обратил.

Вместе с тем граф Рэтленд — как раз тот кандидат, который к псевдониму «Шекспир» — в отличие от его жены — не имеет никакого отношения или имеет самое второстепенное. Приводя случай, когда граф укорял жену за то, что она принимает у себя «какого-то поэта», Пилилов, к сожалению, не сделал из этого эпизода вывода об ограниченности и отсутствии благородства у графа, позволившего себе это оскорбительное замечание в присутствии самого поэта (Бен Джонсон так никогда и не простил этого Рэтленду). Между тем Рэтленд таким замечанием унизил и собственную жену, и то, что мог себе позволить Рэтленд, не мог позволить себе Шекспир. Более того, из этой же реплики следует, что Рэтленд — не только не «Шекспир», но и вообще не поэт, поскольку для него «поэт» — человек второго сорта.

В.К.: Признаюсь, я это проморгал — хотя ваш аргумент убийственен.

А.Б.: Не огорчайтесь, вы не одиноки:

психологическое давление гипотезы Пилилова очень велико — особенно после блестящей главы о переработке четвертого сборника. В свою очередь признаюсь: чтобы избежать такого воздействия, я позволил себе прочесть его книгу только после того, как было оформлено мое отношение к проблеме.

Можно было бы привести и другие соображения в пользу исключения Рэтленда из числа кандидатов, но пока — до разумного ответа на этот аргумент — хватит и его. Между тем книга Пилилова по-прежнему главным образом на предположке, что именно граф Рэтленд является тем Голубем, по которому — вместе с Феникс, графиней Рэтленд, — горюет хор поэтов. Жаль также, что Пилилов, догадавшись о диалогичности «Песни Голубя», не применил эту идею к «Сонетам» Шекспира — а именно здесь находится ключ к их пониманию: как и свод шекспировских пьес и мениппей, шекспировские сонеты принадлежат перу не одного автора. Вообще я бы в качестве догадки сказал так: «Шекспир» — дело семейное.

В.К.: Графиня Рэтленд тоже королевских кровей?

А.Б.: Ну как минимум она крестница королевы! Но и происхождение ее — тоже темное дело. То, что ее якобы отец, национальный поэт Англии Филип Сидни — сын королевы Елизаветы и короля Испании Филиппа II, у меня сомнений уже не вызывает, доказательств этому я нашел. То, что не только дата рождения якобы дочери Филиппа Сидни Елизаветы, но и вся жизнь ее осталась тайной, писал Пилилов. Так что меня даже не удивило недавнее обнаруженное упоминание историков о том, что Филип Сидни умер бездетным.

«Шекспир» — дело семейное

В.К.: А кто еще принимал участие в этом «семейном деле»?

А.Б.: Возможно, сама королева. Известно, что она писала стихи — и неплохо писала: интересно по мысли, образно. В шекспировском сонетном цикле ей могут принадлежать первые 17 сонетов: с советом жениться и пролить свою красоту в детях все-таки скорее будет обращаться мать к сыну, чем мужчина к своему другу (тем более что в 3-м сонете достаточно прозрачно сказано о том, что мать хотела бы увидеть в потомке «апрель своей весны» и что адресат — «зеркало своей матери»). Эти 17 сонетов могли быть написаны и сестрой Филиппа Сидни — Мэри Сидни Герберт (графиней Пембрук) — и адресованы ее старшему сыну Уильяму Генри (William Henry), которому, кстати, было посвящено Большое Фолио произведений Шекспира 1623 года. Если к тому же учесть, что издание сонетов было посвящено тайнственному И.Н., а также то, что редактирование, скорее всего, осуществляла сама графиня, талантливая поэтесса, то эта версия выглядит более перспективной. Но некоторые другие сонеты «Шекспира» тоже написаны с позиций женщины, а некоторые — с позиций монарха. Так что версия об участии королевы Елизаветы в этой семейной саге вовсе не исключается. Не исключают и того, что среди группы авторов есть еще одна женщина — та самая, к которой ее собеседник обращается как к «Смуглой леди».

В.К.: Вы полагаете, что группа авторов «Сонетов» Шекспира — это члены одной семьи? Как же тогда в нее вписывается личность «Смуглой леди»?

А.Б.: Я имею в виду семейные узы не только формальные, но и тайные кровные. Интерпретация Пилиловым содержания сборника Честера нуждается в уточнении. Он пользовался искаженным переводом и упустил важный момент, а именно: оплакиваемая поэтами пара Голубь-Феникс — это дети любви другой пары Голубь-Феникс. То есть идет речь о тайной «семейственности» гениев в двух поколениях, причём Голубь и Феникс — явно не муж и жена, а брат и сестра. Вот это и объясняет тот «платонический» характер их отношений, о котором пишет Пилилов (это один из фактов, опровергающих его версию авторства). Так вот «Сонет» является сборником таких же диалогов, как и диалог между Го-

лубем и Фениксом, но в них больше участников — представителей даже не двух, а трех поколений Фениксов. В этой иерархии «Смуглая леди» и ее тайный поклонник предстают как основатели этой необычной династии гениев. То есть «Смуглая леди» — кровная бабка того самого автора, который создал «Гамлета».

В.К.: Вы можете чем-то подкрепить эту догадку?

А.Б.: По диалогичности структуры «Сонетов» вопрос прозрачно ясен. Они и сборник Честера вышли в свет с разницей в четыре года, редактировались и были изданы одними и теми же лицами. В оба издания даже введены прозрачные «подсказки», на которые до сих пор никто не обратил внимания. Казалось бы, совершенно не к месту четвертованию сборнику присвоен подзаголовок: «Плач Розалин». «Плач» в сборнике есть, он даже увязан с именем «Уильям Шекспир», но имя Розалин больше не упоминается. И другое: сборник «Сонетов» заканчивается вовсе не 154-м сонетом; за ним следует объемный «Плач влюбленного» — тоже вроде бы не к месту. И вот два «Плача» в разных сборниках и являются звеном, которое объединяет их в единый цикл. Другим звеном является «неуместное» имя «Розалин»: оно присутствует и в сборнике «Сонетов», но его можно обнаружить только в подлинном издании 1609 года — академическая наука, в очередной раз «подправляя» Шекспира, вывела этот момент из поля зрения общественности.

Что же касается «Смуглой леди», то до настоящего времени не выявлено ни одной современницы «Шекспира», которая соответствовала бы ее описанию. Но как только мы осознали, что в отличие от «Гамлета» и других его драматических произведений «Сонеты» являются сагой, состоящей из диалогов нескольких поколений связанных тайными кровными узами лиц, все становится на свои места. Характерные приметы Анны Болейн, матери королевы Елизаветы, наверняка знает любой шекспировед. Но авторство сонетов воспринимается как принадлежащее одному человеку, и психологический барьер не позволяет заметить тождества в описании королевы Анны и Смуглой леди.

Участником псевдонима «Шекспир» был и Фрэнсис Бэкон; о его королевском происхождении собраны довольно внушительные материалы. В замаскированных сюжетах «Укрощения строптивого» и «Гамлета» не случайно проходит тема двух литераторов, последовательно работающих над одним и тем же произведением, персонажами которого они являются. Скорее всего, Бэкон занимался разработкой сюжетных заготовок, которые Марло превращал в поэтические тексты.

Наконец, Елизавета Сидни-Мэннерс, графиня Рэтленд. Ее участие в «Песнях Голубя» выглядит в изложении Пилилова достаточно убедительно. Не исключено, что и в «Сонетах» она вела диалог с Кристофером Марло, но это, как и ее участие в создании пьес Шекспира, потребует изучения. Жаль, конечно, что обстоятельства рождения и вся жизнь этой особы остались тайной. То, что «платонические» отношения между Голубем и Феникс — братом и сестрой! — вызывают специфические вопросы этического характера, в данном случае особой роли не играет. Джон Обри, самый первый биограф «Шекспира», утверждает, что отцом младшего сына Мэри Сидни — Филиппа Генри, которому также посвящено Первое Фолио, был брат Мэри — Филип Сидни. А «официальный» отец королевы Елизаветы Генрих VIII мало того, что был женат на вдове своего покойного брата Артура и до женитьбы с Анной Болейн сожительствовал с ее сестрой и, как уверяли католики, даже с ее матерью, так еще и хотел выдать свою дочь Марию Тюдор замуж за своего незаконнорожденного сына Генриха Фишера. Прецедентов в этой среде было более чем достаточно.

Вообще же я далек от мысли, что проблема шекспировского авторства решена, — работа только начинается. О том, что основным создателем драматических произведений «Шекспира» был Кристофер Марло, свидетельствует прежде всего полная идентичность сложнейшей структуры их драм. К тому же я вовсе не ставил перед собой задачу решать эту проблему: вывод об авторстве Марло — «любимый продукт» исследования содержания «Гамлета», «глубоко эшелонированной», трехслойной мениппей.

В.К.: Не могла же русская литература обойти стороной такой замечательный жанр! Кто из русских писателей пользовался жанром мениппей?

А.Б.: Тотоло. А в подсоветское время по вполне понятным причинам этим жанром писатели пользовались тогда, когда невозможно было открыто высказать свои мысли. «Золотой ключик», А.Толстого, «Белая гвардия», «Мастер и Маргарита» и «Мольер» («Кабала святош») М.Булгакова, все это мениппей. Но больше всего их, как и следовало ожидать, оказалось у Пушкина: он, как никто, нуждался в художественном приёме, который дал бы ему возможность беспрепятственно и безопасно говорить то, что он думал. И первой мениппей, которую он задумал и стал осуществлять, был роман «Евгений Онегин».

(Продолжение следует).

От редакции:

Поскольку А.Барковым поставлены под сомнение некоторые выводы И.Гилилова, изложенные им в книге «Тайна Великого Феникса, или Игра об Уильяме Шекспире», «Новые Известия» готовы предоставить ему возможность для ответа А.Баркову после окончания публикации интервью.